

ДИСКУРСИВНО-ИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС «ЦВЕТНЫХ РЕВОЛЮЦИЙ»

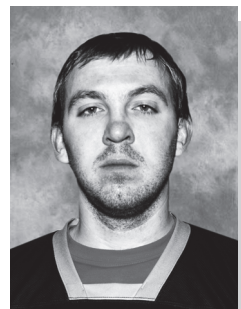
Бочаров Алексей Васильевич,

Медиа-холдинг «Регионы России»,
директор департамента,
Екатеринбург, Россия,
E-mail: alexboc@bk.ru

Русаков Василий Матвеевич,

АНОО Уральский финансово-юридический институт,
заведующий кафедрой философии,
доктор философских наук, профессор,
Екатеринбург, Россия,
E-mail: dipi@nm.ru

Хмелинин Алексей Алексеевич,

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина,
Институт социально-политических наук, кафедра истории и теории политической науки,
аспирант,
Екатеринбург, Россия,
E-mail: xalexan@inbox.ru

Аннотация

В статье анализируется дискурсивно-идеологический комплекс «цветных революций», под которым понимается система архетипических категорий-концептов, образующая в совокупности его ценностно-смысловое ядро и задающая его дискурс, обладающий семиотическими и властными свойствами. Этот новый дискурс служит продвижению глобального неоллиберального проекта.

Ключевые слова:

цветные революции, неоллиберализм, социальные сети, twitter-революция, политические технологии, умная толпа, политика памяти, дискурс, дискурсивно-идеологический комплекс.

Новый феномен современной политической жизни, получивший название «цветные революции» (ЦР) продолжает привлекать внимание исследователей. Причины интереса по-

нятны – крайняя опасность данного явления, его тяжелые социально-политические последствия в кратковременной и долговременной перспективе. Дело в том, что в последние годы в целом ряде стран с относительно устойчивой политической системой произошли ЦР, которые в итоге привели к демонтажу прежних режимов. По своей идеологической сути ЦТ являются стратегическим инструментом неоллиберального проекта нового мирового порядка, связанного с глобальным господством миросистемы, ядром которой выступают страны G7 и крупнейшие ТНК.

Согласно установкам неоллиберализма на смену старой колониальной концепции «разделяй и властвуй» приходит современная доктрина «управляемого хаоса», которая логически подкрепляется стратегией гибкого комбинирования (в зависимости от текущих политических задач и интересов сил влияния) инструментами мягкого и жесткого влияния. Под лозунгом демократизации государств неоллиберализм организует политический хаос, используя внешние и внутренние инструменты дестабилизации. В ситуации такого организованного хаоса сегодня находится громадный регион, включающий Ирак, Ливию, Сирию, Йемен.

Неоллиберальные идеологи категорически отрицают любую критику своего проекта мироустройства, обнаруживая таким образом глубокую связь политических практик и технологий ЦР с интересами транснационального капитала.

По сути, ЦР являются ничем иным, как государственными переворотами, совершаемыми более или менее мирными средствами, но при колоссальной поддержке (давлении) извне. Для заинтересованных государств и транснациональных корпораций корректировка местной политики в собственных интересах через «цветные революции» значительно дешевле, чем проведение военных операций типа иракской [2]. Нельзя не отметить огромную роль внешних сил, которые, во-первых, обеспечивают финансирование,

обучение и мотивирование организаторов революции, во-вторых, присваивают и активно используют статус верховного арбитра, определяющего легитимность или нелегитимность акторов конфликта, в-третьих, участвуют в качестве посредников в переговорах в наиболее критические моменты, но при этом открыто выступая на стороне оппозиции [2].

В информационном поле ЦР подаются в образе народной борьбы за демократические преобразования общества, каковой они убедительно выглядят только на первом этапе своего развертывания. Манипулятивный же характер политических технологий ЦТ начинает становиться очевидным только после того, как массы вдруг для себя обнаруживают, что вдохновляющие их идеалы не получают практического воплощения, что плодами революции пользуются не они, а узкий круг политиков и «олигархов». И тогда цветные революции переименовываются в олигархические, тогда становится очевидным их империалистический и неоллиберальный характер.

Неоллиберальный характер ЦР вначале удается «спрятать», поскольку критикуемая оппозиционными силами существующая власть действительно погрязла в коррупции, превратилась в систему обслуживания интересов узкого круга монополистов и бюрократической верхушки, породила глубокий разрыв между доходами населения, вызвав тем самым естественный протест населения против увеличения бедности. Однако борьбу с обнищанием было бы не совсем верно приписывать в качестве заслуги ЦР, поскольку, как правило, уровень жизни людей до ЦР бывает гораздо выше, чем после [2]. Это происходит потому, что с победой ЦР в полной мере раскрываются шлюзы для широкого проведения в жизнь неоллиберального политического курса, основанного на дальнейшем усилении коммерциализации социальной сферы и режима монетизации экономики. В итоге богатые становятся еще богаче, а бедные еще беднее.

Цветные революции готовятся практически открыто, публично, с использованием

всех современных средств массовой коммуникации, а также сетевых технологий.

Перейдем далее к конкретному рассмотрению *новейших технологий*, которые используются в качестве инструментария ЦР, совершаемых в интересах неолиберальных сил.

Прежде чем цветная революция перейдет в фазу непосредственного государственного переворота, ей должен предшествовать подготовительный этап, предполагающий одновременный запуск целой серии программ и технологий, которые можно разделить на три основных комплекса.

Комплекс 1. Включает запуск программ вербовки, мобилизации и поддержки агентов неолиберального государственного переворота, к которым следует в первую очередь, отнести разнообразные НПО (неправительственные организации) и НКО (некоммерческие организации), молодежные организации, круги неолиберально-настроенной политической, экономической, интеллектуальной и медийной элиты.

Основная технология вербовки критически настроенных к власти НПО и НКО – подсаживание за зарубежные гранты. К примеру, в России активность либерально настроенных НПО и НКО оплачивают Фонды Форда и Макаруров, Национальный фонд поддержки демократии (NED), Национальный демократический институт (NDI), Международный республиканский институт (IRI), Агентство США по международному развитию (USAID), Институт «Открытое общество» (OS).

Зарубежные специалисты по работе с общественными организациями в целом делятся на две основные группы: а) группы по работе с практиками или «полевые сотрудники», б) группы информационного давления [8].

Так называемыми «полевые сотрудники» выступают наблюдателями на выборах, проводят тренинги для активистов, непосредственно поддерживают контакты с самими активистами во время различных публичных мероприятий и т. д. Именно они отвечают за распределение грантов и координацию протестных акций.

Задачей второй группы, которая курируется такими организациями как «Freedom House» (FH), «Transparency International» (TI), «Human Rights Watch» (HRW), «Reporters Without Borders» (RWB), является создание массивов информации с целью убеждения мировой общественности в наличии системных, «не совместимых с демократией» нарушений в стране.

Нередко на роль ударной силы в цветных революциях вербуют представителей разного рода радикальных, ультра-националистических и религиозно-фундаменталистских группировок. Например, на Украине при подготовке к проведению «оранжевой революции», а затем и «Евромайдана» проводилась специальная работа среди объединений украинских националистов и правых радикалов. Данный контингент, как правило, обладает неплохой военной подготовкой и способен оказать силовое давление на правительственные структуры.

В качестве важной революционной силы рассматривается студенческая молодежь, с которой ведется работа по специальным программам. Именно студенты эмоционально более всех других социальных слоев способны вдохновляться идеями свободы, демократии, европейскими ценностями, мира без границ и т. п. Именно студенты быстро «вспыхивают» от возмущения в отношении конкретных фактов и проявлений вопиющей несправедливости, дискриминации, коррупции власти. Именно студенты хорошо владеют новейшими сетевыми технологиями коммуникации. Они к тому же являются креативной силой, вырабатывающей оригинальную символику и риторику революционной борьбы.

Первой влиятельной в международном масштабе молодежной организацией, сыгравшей решающую роль в подготовке и экспорте ЦР стала организация «Отпор», созданная группой студентов-активистов Белградского государственного университета, руководившей студенческими акциями в Сербии в 1991–1992 и 1996–1997 годах. Организация «Freedom House» (FH) активно курировало данное движение, в частности, передала его

активистам для изучения тактики и методов ненасильственной борьбы 5 тыс. экземпляров книги Дж. Шарпа «От диктатуры к демократии» [8]. В августе и сентябре 2000 года для активистов «Отпор» проводились десятидневные сборы в американских посольствах в Болгарии и Румынии, на которых сотрудники ЦРУ и специалисты по пропаганде обучали молодых оппозиционеров политическим технологиям.

К 2000 г. количество членов «Отпора» достигло 100 000 человек [8]. Символом этой организации стал сжатый кулак на черном фоне, а основными лозунгами, направленными против тогдашнего президента Сербии Слободана Милошевича, были: «Gotov je!» («Конец ему!»), «Vreme je!» («Его время истекло!») и «Dosta je!» («Довольно ему!»).

После успешной кампании в Сербии «Отпор» меняет название на CANVAS («Центр прикладных ненасильственных действий и стратегий») и превращается в своего рода учебный центр по подготовке цветных революций.

Аналогичные молодежные революционные организации при содействии активистов «Отпор» были созданы в Грузии и на Украине. В апреле 2003 года на базе студенческого движения Тбилисского университета была образована организация «Кмара!» («Хватит!»), сыгравшая немаловажную роль в грузинской революции. У «Отпора» была позаимствована и символика – плотно сжатый кулак. Единственное отличие грузинского варианта состояло в том, что знак «Кмары» – кулак – был изображен не на черном, а на оранжевом фоне.

Весной-летом 2003 года около 2 тыс. активистов «Кмары» под руководством сербских инструкторов прошли подготовку на специальных семинарах. В июне 2003 года в городке Цхваричама (в 15 км от Тбилиси) в бывшем советском пионерлагере проводились трехдневные курсы обучения методам «ненасильственной борьбы» для более 1 тыс. членов «Кмары».

С ноября 2003 года лидеры «Отпор» стали совершать поездки по Украине. Они по-

сетили с лекциями по технологиям и методам ненасильственного сопротивления власти пять крупных украинских городов, участвовали в организации лагерей для украинских активистов. Так 1 августа 2004 года в летнем лагере Евпатории был организован недельный слет 320 молодых украинцев.

В марте 2004 г. накануне президентских выборов на Украине было создано молодежное политическое движение «Пора!». Основными задачами организации были: поддержка оппозиции и борьба против власти в лице президента Леонида Кучмы и премьера Виктора Януковича [8].

Во время подготовки Евромайдана в 2013 году студенческая молодежь снова выступила в роли инициативного пропагандиста и проводника неолиберальной идеи ненасильственного свержения государственной власти, вдохновляясь перспективой выхода страны в пространство Европейского Союза.

В целом, программы и технологии, входящие в первый комплекс мер по подготовке цветной революции, можно назвать *рекрутинговыми*. Их главная задача – сформировать в публичном политическом пространстве хорошо скоординированную сеть агентов для осуществления серии протестных акций.

Комплекс 2. Включает *технологии формирования мобильных информационно-коммуникативных систем*, позволяющих оперативно проводить в нужное время и в нужном месте серии протестных акции.

Социальные интернет-сети сегодня являются неотъемлемым мобилизационным ресурсом ЦР. Считается, что именно интернет-коммуникации сыграли решающую роль в подготовке и проведении ЦР в странах Ближнего Востока, получивших название «Арабская весна». Во время революционных событий в Египте и Ливии основными способами использования информационных технологий были: организация рассылки руководящих инструкций к действию через электронную почту; создание страниц в социальных сетях, где повстанцы обращались к пользователям с призывом участвовать в массовых демонстрациях. В данной си-

туации службы безопасности государства оказались бессильными в противостоянии новой для них форме организации протестного движения, которое сразу же приобрело лавинообразный, неуправляемый характер. Государственными властями были предприняты попытки временного прекращения работы социальной сети Facebook и сервиса Twitter, однако это не смогло предотвратить использование Сети протестующими – они продолжили пользоваться микроблогами через мобильные приложения, SMS-сообщения [9].

Следует заметить, что с помощью таких социальных сетей как «Facebook» и «Twitter» осуществляется организация так называемой «умной толпы» [3], способной выступить в роли людского формирования быстрого реагирования. «Использование данной технологии заключалось в применении определенных инструментов: во-первых, информационные вирусы, мигрирующие из одной социальной сети в другую; во-вторых, смс-атаки; в-третьих, полноценная информационная война, когда официальная информация приобретала явный перекося, блокировался доступ к каналам, выражающим плюралистическую точку зрения (в Западной Украине не показывали российские каналы). Для привлечения людей на Майдан по сети гуляли разнообразные вирусы, например: «Утром могут начать разгон. Максимальный репост, пожалуйста», «Янукович подписал таможенный союз», «30 ноября на Майдане «Беркут» до смерти забил девушку». Несмотря на ложный характер большинства сообщений основными целями их распространения, с одной стороны, было привлечение внимания к теме Майдана менее заинтересованных и политически нейтральных наблюдателей, а с другой стороны, сплочение людей и эмоциональная подпитка майдановцев для дальнейшей политической борьбы» [5, с. 74].

В социальных сетях и микроблогах создаются специальные группы, в которых объединяются совершенно разные люди, имеющие, однако, общие представления о политической жизни в стране. Они могут становиться участниками различных акций, которые ор-

ганизуются уже в оффлайне. Таким образом, стратегия «Twitter-революция», реализуемая вначале лишь в цифровых медиа, получает продолжение в реальной среде [7, с. 14–15].

В условиях Twitter-революции на смену уличным битвам приходят «сетевые войны», где объектом, которым хотят завладеть, является часть пространства сети. В результате происходит виртуальная эскалация политического конфликта. В свою очередь, сетевые войны выступают важным катализатором протестных настроений, реализуемых уже в оффлайне.

Комплекс 3. Включает технологии, запускающие дискурсивные механизмы *политики памяти*, связанной с задачей конструирования новой идентичности [1], которая помогает избавиться от символического наследия «проклятого режима». В дискурсе политики памяти, внедряемом в общественное сознание в ходе ЦР, преследуются такие стратегии как: переинтерпретация прошлого, консолидация общества на основе новых символов и мифов; легитимизация протестных движений и вновь образованных политических структур [4, с. 244]. В целом же, политику памяти можно определить как систему способов и форм политизации прошлого в целях управления коллективной памятью [6, с. 11].

Технологии политики памяти в периоды подготовки перехода к новому неолиберальному устройству общества представляют собой совокупность следующих приемов:

- 1) отождествление неугодного режима с тоталитарной системой, от которой следует обязательно избавиться;
- 2) формирование образа собственного народа как жертвы тоталитарного режима;
- 3) создание музеев тоталитарных режимов и памятников их жертвам;
- 4) героизация исторических персонажей, которые вели борьбу с тоталитарным режимом; создание нового пантеона национальных героев [6, с. 11–12];
- 5) переинтерпретация символов существующей власти, «борьба с памятниками» и старой символикой;
- 6) пропаганда в СМИ новых версий национальной истории.

Указанные приемы прошли свою апробацию в период «цветных революций» в Венгрии (1956 г.), в Чехословакии (1968 г.), а также в период неолиберальных реформ в странах Восточной Европы и в России в начале 1990-х гг.

В России в условиях сверхцентрализованного государства, построенного по принципу «вертикали власти» и не имеющего «подушки безопасности» в виде сильного гражданского общества, опасность возникновения ситуации «управляемого хаоса» особенно велика, а наличие сильнейшей социальной дифференциации и антагонизмов может стать внутренним источником и благоприятной почвой для процветания ЦР.

Одной из теоретико-методологических задач, направленных на профилактику появления на свет ЦР, является проникновение в суть дискурсивно-идеологического комплекса цветных революций. *Под дискурсивно-идеологическим комплексом того или иного общественно-политического движения (в данном случае – «цветных революций») мы понимаем систему архетипических категорий-концептов, образующую в совокупности его ценностно-смысловое ядро и задающую его дискурс.*

Во-первых, это система мифологем, концептов. В ЦР таковыми выступают «народ», «свобода», «права человека», «коррупция».

Во-вторых, это система, в которой существует ценностно-смысловое ядро, качественно определяющее взаимосвязь всех прочих мифологем. В ЦР – это «народ» и «борьба» за его освобождение. Ценностно-смысловое ядро определяет своеобразный облик того или иного движения в сравнении с другими, даже если при этом набор мифологем достаточно похож.

В-третьих, как всякий дискурс, дискурс ЦР или его ценностно-смысловое ядро в виде дискурсивно-идеологического комплекса обладает кратологическим, семиотическим и праксеологическим ресурсом, что означает следующее: а) дискурс есть *властный ресурс*,

б) он предписывает и *задает пространство смыслов* и значений, в) он формирует *комплекс социальных и политических практик*. Все вместе это и порождает сложный характер таких массовых социально-политических движений как популизм, фашизм, фелькише и т. п.

Дискурсы, порождаемые и транслируемые конкурирующими социальными акторами, представляют собой в то же время и конкурирующие знаково-символические системы. В результате, одним и тем же событиям и явлениям даются различные интерпретации и оценки. Общественное мнение формируется под воздействием наиболее сильных дискурсов, т. е. таких, которые в конкурентной борьбе с другими дискурсами в итоге оказываются наиболее убедительными, впечатляющими, эмоционально и интеллектуально заряженными, энергетически емкими. В свою очередь создание «привлекательности» невозможно без лингвистического конструирования, без интерпретации реальности, без акцентирования внимания на взаимно противоположных оценочных суждениях (типа: Бог–Дьявол, добро–зло, свобода–рабство, демократия–диктатура и т. д.). Причем именно проводники «мягкой власти» определяют, что есть «хорошо» или «справедливо», какая страна становится изгоем или образцом демократических трансформаций, подвигая тем самым остальных участников политического процесса соглашаться с этой интерпретацией в обмен на лояльность [10].

Указанные аспекты отчетливо прослеживаются в становлении и развитии протестного дискурса в России и других странах, переживших кризисные явления. В периоды кризисов складывается новое *знаково-символическое пространство*, которое начинает пронизывать все другие пространства социального мира (политику, экономику, искусство, образование, воспитание и т. п.). Здесь особая роль принадлежит *смыслопорождению*: вводятся в оборот общественного сознания принципиально новые смыслы, которые доказали свою жизнеспособность и действенность в конкуренции с ранее существующими и альтернативными. Информационная революция позволяет

в короткие сроки «перекодировать» сознание, начиная с изменений в коллективной исторической памяти и заканчивая миром символических смыслов. В конечном счете, формируется новая семиотическая структура с центральным смысловым ядром – мифологемой «демократия». Для идентификации «свой-чужой» начинает использоваться яркая «революционная» опознавательная символика.

В период подготовки ЦР переозначивание привычного семиотического пространства осуществляется при помощи *главного инцидента*, который создается специально. В революциях в Сербии (2000), на Украине (2004) и в Грузии (2004) таким инцидентом стали результаты выборов, которые были объявлены сфальсифицированными. Революция в Тунисе (2010) – стране с авторитарным режимом началась с самосожжения торговца на одной из центральных площадей столицы. В итоге событие, казалось бы, не очень значительное по своему масштабу, вызвало цепную реакцию и привело в движение большую массу протестующих. В каждом конкретном случае в сознание активистов посредством распространения протестного дискурса закладывалась мысль о необходимости срочных (или радикальных) перемен, исключая возможность принятия взвешенного решения не только об участии в «ненасильственных» акциях, но и о целесообразности их проведения вообще.

В целом, эволюцию центрального смыслового ядра дискурсивно-идеологического комплекса ЦР можно схематично представить как движение от очарования демократическим и протестным дискурсом к манипулятивному дискурсивному управлению толпой посредством переозначивания прежних символов и конструирования новых смыслов. В политической практике постсоветских государств данный процесс получил название «декоммунизация». И далее после прохождения этапа дискурсивной *деструкции* осуществляется движение в направлении полномасштабного утверждения и господства идеалов и ценностей неолитерализма.

1. Малинова О.Ю. Политика памяти в постсоветской России // <http://postnauka.ru/video/41333>.
2. Овчинский В.С., Сундиев И.Ю. Функциональный генезис и система технологий XXI века (доклад Изборскому клубу) // <http://www.dynacon.ru/content/articles/1466/>.
3. Рейнгольд Г. Умная толпа: новая социальная революция / пер с англ. А. Гарькавого. М.: ФАИР ПРЕСС. 416 с.
4. Русакова О.Ф. Современная политическая философия: предмет, концепты, дискурс. – Екатеринбург: ИД «Дискурс-Пи», 2012. 400 с.
5. Русакова О.Ф., Грибовод Е.Г. Политический медиадискурс и медиатизация политики как концепты политической коммуникативистики // Научный Ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2014. Том. 14. Выпуск 4. С. 65–76.
6. Русакова О.Ф., Русаков В.М. Агональный дискурс современной политики памяти // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2015. № 1 (18). С. 10–19.
7. Столяров А.А. Коммуникационные стратегии в политическом PR. Автореф. дис... канд. филол. наук. Москва, 2015. 28 с.
8. США начинают подготовку к «цветной революции на Украине»? // <http://kramtp.info/news/12/full/id=24126>.
9. Юсупова-Фарзиева Д.М. Информационно-коммуникативные технологии как основа «цветных революций» в современном мире: Автореф. дис... канд. полит. наук. Пятигорск, 2012 // <http://pandia.ru/text/77/415/89680.php>.
10. <http://svom.info/entry/223-sekretiy-cvetnyh-revolyucij-prodolzhenie/>.

1. Malinova O.Yu. Politika pamyati v postsovetsoj Rossii // <http://postnauka.ru/video/41333>.
2. Ovchinskij V.S., Sundiev I.Yu. Funkcional'nyj genezis i sistema texnologij XXI veka (doklad Izborскому клубу) // <http://www.dynacon.ru/content/articles/1466/>.
3. Rejngol'd G. Umnaya tolpa: novaya social'naya revolyuciya / per s angl. A. Gar'kavogo. M.: FAIR PRESS. 416 s.
4. Rusakova O.F. Sovremennaya politicheskaya filosofiya: predmet, koncepty, diskurs. – Ekaterinburg: ID «Diskurs-Pi», 2012. 400 s.
5. Rusakova O.F., Gribovod E.G. Politicheskij mediadiskurs i mediatizaciya politiki kak koncepty politicheskoy kommunikativistiki // Nauchnyj Ezhegodnik Instituta filosofii i prava Ural'skogo otdeleniya Rossijskoj akademii nauk. 2014. Tom. 14. Vypusk 4. S. 65–76.
6. Rusakova O.F., Rusakov V.M. Agonal'nyj diskurs sovremennoj politiki pamyati // Nauchnyj zhurnal «Diskurs-Pi». 2015. № 1 (18). S. 10–19.
7. Stolyarov A.A. Kommunikacionnye strategii v politicheskom PR. Avtoref. dis... kand. filol. nauk. Moskva, 2015. 28 s.
8. SShA nachinayut podgotovku k «cvetnoj revolyucii na Ukraine»? // <http://kramtp.info/news/12/full/id=24126>.
9. Yusupova-Farzieva D.M. Informacionno-kommunikativnye texnologii kak osnova «cvetnyx revolyucij» v sovremennom mire: Avtoref. dis... kand. polit. nauk. Pyatigorsk, 2012 // <http://pandia.ru/text/77/415/89680.php>.
10. <http://svom.info/entry/223-sekretiy-cvetnyh-revolyucij-prodolzhenie/>.

UDC 327.8

DISCURSIVE-IDEOLOGICAL COMPLEX OF «COLOR REVOLUTIONS»

Bocharov Alexei Vasilyevich,

«Regions of Russia» Media Holding,
Department Director,
Ekaterinburg, Russia,
E-mail: alexbox@bk.ru

Rusakov Vasily Matveevich,

Ural Institute of Finance and Law,
Head of the Department of Philosophy,
Doctor of Philosophy, Professor,
Ekaterinburg, Russia,
E-mail: dipi@nm.ru

Khmelinin Aleksey Alekseevich,

Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin,
graduate student,
Ekaterinburg, Russia,
E-mail: xalexan@inbox.ru

Annotation

The article analyzes the discursive and ideological set of «colored revolutions», which is understood as a system of categories and the archetypal concepts together formed its value-semantic core and set its discourse with a semiotic and powerful properties. This new discourse serves to the promotion of a global neoliberal project.

Key words:

colored revolutions, neoliberalism, social nets, twitter-revolution, political technologies, smart crowd, politics of memory, discourse, discursive-ideological complex.